

...Вот же привязался этот электрик! Ходит, в глаза заглядывает, как прибудившийся к гаражу кобель. Завгар кобеля зовут. А электрика – Саша Пчёлкин. Милый, добрый, смекалистый, руки золотые, и всё такое. Но смешно же, в самом деле! У меня сыну пятнадцать лет, у него внуку два года!

Ругаясь, я размашисто шагала по воде пополам со снегом. Виски сжимало от усталости и раздражения. Ну дурак! Расскажи мужу, так завтра же из электрика будет начинающий безработный! А кто у нас муж? А муж у нас... начальник.

Электрик вторую неделю ходил наглаженный, воняющий каким-то особенно ядовитым парфюмом. Подсаживался в столовой, по десять раз на дню здоровался в редакционных коридорах, совал голову в кабинет: мол, не напоят ли тут чаем?

Ну и понятно, что чаем ни разу не напоили. Потому что с календаря стремительно слетали последние декабрьские деньки, и в редакции у нас вне всякого графика, милосердия и совести должны были родиться не две, а сразу четыре газеты, причём две последние – в один день.

А газета, между прочим, немаленькая – восемь полос формата А3. (Обычный лист белой бумаги – это формат А4. В нашем деле – чем меньше цифра, тем больше портянка.)

Газету мы делаем вдвоём: верстальщица и я, совмещающая работу корреспондентов, редакторов, выпускающих... (Какой толь-

ко урод придумал эти новогодние праздники?!)

Я в раздражении занесла обувь в новый сапог ногу – и замерла. Снежная каша кончилась. Дальше тропинка была как сплошной ледяной горб, сбрызнутый талой водой. И как преодолеть этот горб, ни на одном соседнем столбе почему-то не написали.

Да, вот такая выдалась на этот раз на Алтае зима: две недели возле нуля, с дождём и ледяной кашей, а кое-где и со сплошными полянами тающего льда. На селе в таких случаях говорят «убродно», синоптики радуются, что зафиксировали эту прелесть впервые за 90 лет, а мне-то что делать? Назад идти?

Рисковый мужичок обогнал меня и, оскальзываясь, заплясал на горбатой тропинке. Я отошла чуть в сторону и нашарила телефон.

– Радость моя, ты занят? Знаешь, где я? Возле нашей «Мариин-Ра» стою. Если дальше пойду – убьюсь на фиг!

– А куда тебе надо? – задумчиво поинтересовался далёкий муж.

– В типографию за газетой.

– Садись на трамвай и езжай на работу. Костя сломался. Потом найдём машину, съездишь в типографию.

Я спрятала телефон. Мужу – легко говорить. Когда он руку сломал, нянчилась с ним я: одевала его, раздевала, ботинки шнуровала, кормила едва не с ложки. А если я чего сломаю, кто будет меня одевать и кормить?

Впрочем, до трамвая можно было и доползти. Наверное. Здесь

от силы 100 метров. Если маленькими шажками...

Я с сомнением посмотрела на новые зимние сапоги. Обещали нескользкие, как же... Европейское качество, что б его гепнуло, репнуло, перекодубасило... Обманули тётки-продавщицы. Понятно, что им продать нужно. А мне нужно было надеть старые замшевые риккеры на сплошной резине. Замшу жалко в воду, но уж резина бы как-нибудь...

Я оглянулась. До дома было триста метров «каши», до трамвая – сто метров сплошного льда. Вздохнула и пошла переобуваться.

Но через десять минут выяснилось, что и надёжные риккеры погоды не делают. Пожалуй, новые сапоги были даже капельку устойчивей. Вот так поругаешь ни за что незнакомых людей, а они-то тебе добра желали...

Балансируя на льду, как нетрезвая утка, я добралась-таки до остановки трамвая. Хорошо хоть он не заставил себя ждать.

В душном редакционном кабинете (вот тебе и пластиковые окна!) худенькая верстальщица Мила сидела, уткнувшись воспалёнными глазами в монитор. Она тоже была перфекционисткой и считала, что аврал авралом, а новогодние номера должны выглядеть на стоицот. Без скидок на форс-мажор.

– А где газета? – спросила она, обернувшись и не увидев в моих руках внушительную пачку, которую я приношу обычно каждый четверг для многочисленных коллег по другим редакциям. У нас в одном здании и газета, и студия телевидения, и радиостанции квартируют. Люди, разумеется, пересекаются и подрабатывают, кто где способен. Вот моя подруга Таня – и радиоведущая, и интервью делает на «телеящик». Причём класс мог-

ла бы показать и повыше, если бы не пятилетние близнецы, которые болеют, саботируют детский сад и не дают ей нормально есть, спать и осознавать себя счастливой не только потому, что у тебя есть дети.

Я шлёпнулась в своё чёрное редакторское кресло, разбудила экран компа и на автомате вцепилась зубами в окаменевшую за ночь печенюку. Кто бы за меня, соню, позавтракал?

– До газеты не дошла. Там такое на улице...

– Хуже, чем утром? – удивилась Мила.

Она приходит на работу к девяти, а я вот могу и к одиннадцати. Начальство не опаздывает, оно просто любит поспать. Но оно и работает до двух часов ночи. У него кроме газеты – два интернет-выпуска новостей в сутки.

– А утром как было?

– Как на коньках... – вздохнула Мила.

И я вздохнула. Коньки бы меня не спасли. Да и конькобежец я... аховый. В смысле «Ах!...» – а дальше юзом на попе.

– Может, чаю? – спросила Мила и покусилась закрыть инди-зайн.

И верно, сколько можно глаза без перерыва бить.

Я оглянулась на изобилие чайников: один сломанный, один новый, воняющий пластмассой, который нам купил мой муж, второй новый металлический и ничем не воняющий, который муж купил чуть позже, убедившись, что двести рэ на чайниках лучше не экономить.

– Новый пробовала уже?

– Только помыла, – Мила говорила, а сама, уже занеся руку, всё смотрела в экран, где на полосе будущей газеты теснились праздничные картинки.

Я накачала в чайник воды помпой из бутылки, нажала заветную

кнопочку «кипячение». Мила со вздохом свернула программу и села к журнальному столику, который у нас и чайный. По совместительству.

На запах свежей заварки тут же припёрся электрик. Словно черт его держал у нас под дверью, а потом выпустил из табакерки.

Электрик меня уже реально напрягал. Даже незамужнюю женщину бесят масляные, подёрнутые гормональным флёром глазки не самых молодых женатых мужчин. А мне, замужней и детной, тем более противно было смотреть на старческий психоз хорошего, в общем-то, человека. И как ему объяснить, что я улыбочива и приветлива со всеми нормальными мужчинами, а не с ним конкретно? Нашёлся, понимаешь, Мальволио. Может, ему тоже кто-то от моего имени письмо написал? Поймаю шутника – убью!

Электрику было вежливо и молча указано на дверь. То есть мы с Милой налили чаю и уселись каждая за свой компьютер, мол, некогда нам с ним горячую воду распивать. Он повздыхал и ушёл, кажется, ещё более очарованный. Я ж такая работающая... Хотя зачем бы ему при живой жене ещё одна работающая?

Дверь снова открылась, заставив меня заранее состроить на лице что-то недружелюбное. Но маска не понадобилась: зашла Таня (которая радиоведущая) и спряталась в кресло, сразу же потерявшись в нем. Тоненькая она была, беленькая. И тоже добрая, милая, работающая. К счастью, в два раза младше электрика, и он, надеюсь, понимал, что уж с ней-то ему ловить нечего.

– Опять воздыхатель заходил? – спросила Таня, правильно оценив выражение моего лица. С наблюдательностью у неё всё было в порядке.

– Заходил и тут же выходил, – перефразировала я Стругацких.

Ну люблю я русско-советско-российскую литературу. Да и всю мировую – тоже люблю.

– Эх, – вздохнула Таня, наливая чай и похищая последний обломок шоколадки.

Она заедала ностальгию по неспешным околотитературным разговорам, которые ведутся иногда у нас в редакции. Ведь не сплошь же на календаре праздники, ломающие график.

– Никогда я не допишу свою сказку, – пробормотала она в чай. – Вот вы у себя на клубе хоть что-то пишете. А я могу только в два часа ночи. Да и то не написать, а уснуть за монитором. Как твой роман?

Я усмехнулась, вспоминая, как пыталась записывать вчера на трамвайном билете новый кусочек своего «Аргерариума». А не запишу – забываю потом, и пиши пропало. Или не пиши. Но у меня хоть пятилетних близнецов нету.

Я размечталась, как возьмусь и допишу роман, а когда опомнилась, Таня уже ругалась в телефон:

– Девушка, вы не можете решать за вашего директора! Нет уж, вы меня с ним соедините, пожалуйста, а он сам решит, помогаете вы кому-то или нет!

Увещевания результата не принесли. Таня отключила свой беленький «сони» и опять взялась за чай.

– С кем воюешь?

– Да обнаглели секретарши! Пытаюсь созвониться с директором кондитерской фабрики, а она: «...и не на-а-до с ним говорить, мы всё равн-о-о никогда благотворительностью не занимаемся».

– Благотворительностью?

– Ну... – Таня замаялась. – Решила к Новому году выпустить на диске наши сказки. И подарить детям. Которые не видят, слепым.

Мы с библиотекой для слепых договорились провести им Новый год. Ты честно скажи, мы же хорошие сказки записали?

Сказочный радиопроjekt действительно удался, и мы с Таней уже обговаривали это. А вот «благотворительная» идея родилась у неё, как всегда, внезапно и под самые праздники.

Хорошо прочитанные сказки для детей, которые не могут сами их прочитать, действительно были бы на Новый год к месту. Но... Диски же нужно купить на какие-то деньги, записать, сделать обложку. Это же столько работы... А у всех – новогодняя запарка! Ну, Таня, ну кошкина дочь!

Но ругаться я не стала. Добрые порывы следует поощрять, не выбирая обстоятельств. Только спросила:

– А кондитерка тебе зачем? Спонсоров ищешь?

– Ну... как-то стрёмно одни диски дарить. На диски наш главный редактор обещал дать две тысячи. Запишем мы сами. Ещё бы конфет... И будет хороший подарок. А с кондитеркой – пока полный не контакт...

– А на ней свет клином сошёлся? – фыркнула я, понимая, из какого кармана наш «главный редактор», а по совместительству мой муж, дал деньги на диски. Москва нас финансирует так, что и на зарплату не хватает.

– Ну, одна она у нас в городе. Конфеты же нужны?

– Да пусть деньги хоть пивзавод даёт, деньги пивом не пахнут. А мы купим.

Таня хмыкнула, тут же набрала пресс-службу пивзавода (мы не наглые, мы – на работе) и, поскольку сумма на тридцать деток нужна была чисто символическая – две с половиной тысячи рублей, тут же и договорилась. Пивзавод

на благотворительность к проверенным партнёрам был благосклонен, а наша редакция – из самых что ни на есть проверенных. Мы бы и сами набрали по карманам «на конфеты», но праздники грядут, а зарплата у корреспондента невелика, как бы он ни изгалялся. И нас даже не пожалеет никто, мы ж не врачи и не бюджетники.

Тут у меня тоже зазвонил телефон: очередная старушка выясняла, почему телецентр прекратил вещание «Пятого канала» именно на её телевизор. А когда мне удалось убедить бабушку поискать неисправности где-нибудь поближе, Мила и Таня уже перебирали в фотошопе подходящие новогодние картинки, прикидывая обложку будущего диска. Решили, что оформят всё сами, сами распечатают на нашем же цветном принтере, разрежут аккуратно и запишут по коробочкам. Всего-то 50 дисков, чтобы с запасом.

Обложки лучше бы, конечно, напечатать в типографии, но тогда требовалось достать ещё тысячи две каких-нибудь спонсорских денег. Потому решили: что сможем – сделаем своими руками.

День завертелся: газетные тексты путались у меня в голове, между ними суетились обложки для диска, за окном отжигала погода.

Четверг плавно перешёл в пятницу. Утром выяснилось, что на календаре самое что ни на есть 25 декабря. Католическое Рождество. Первый условный новогодний праздник. Нужно было успеть сегодня хотя бы шоколадку съесть за его здоровье. Мы же – сибиряки, у нас по традиции встречают всё: католическое Рождество, Новый год, православное Рождество, Старый Новый год, Новый год по восточному календарю... Пока силы не закончатся. И здоровье.

Только всё это не про нас с Милой. Нам бы как-то дотянуть до собственно Нового года. Ведь даже кони от работы дохнут, а таких мелких офисных хомячков, как мы, прямо-таки разрывает на мелкие кусочки.

Мила металась между принтером и газетными файлами. Я придумывала праздничные рубрики, взяла в материале и к дневному выпуску теленовостей, которые мне полагается заливать на сайт (это моя подработка «по соседям»), находилась уже в полукоматозном состоянии. Как и Мила с Таней, потому что редакционный принтер и тонкая бумага, как выяснилось прямо в процессе печати, совсем не годились для обложки. И надо было срочно достать где-то деньги на профпечать.

Таня сначала металась, звонила по потенциальным спонсорам, а потом выдохлась и отложила телефон:

– Ну, значит, возьмём с горбольницы, – вздохнула она.

У неё муж там работает, в больнице. Иногда он вынужден выступать спонсором, ему-то куда деваться? Как и моему. Мой у нас – главный редактор. Он дал денег на диски, Танин – на обложки, всё честно.

Таня унеслась в типографию, Мила углубилась в вёрстку, а я уселась за новости. И, может быть, даже за роман. В душе. Или в иной реальности. Потому что в реальности текущей времени мне хватает только на миниатюрки в две тысячи знаков. Нет, вру. На днях написала эссе на тему «Что есть истина?» Увидела конкурс в интернете на лучшее эссе с призом пять тысяч рублей. Потрясающий развод – кто ж отдаст пять тысяч рублей за эссе?

Но наболело, наверное. И так захотелось этой самой истины... (У меня в ночь обычно второй выпуск новостей. И после него можно уже

только об истине. Есть ли она? А если есть, что из себя представляет? Условную социохимеру – от каждого по способностям каждому по шее?)

Вряд ли эссе у меня получилось. Чтобы после выпуска новостей суметь в ночи сотворить что-то художественное, нужно хотя бы через день высыпаться. Иначе руки дрожат, глаза слезятся.

Тяжело? А вот слепым детям, наверное, ещё тяжелее. Они вообще света белого не видят. Таня – молодец. Её ветром уже качает, а она ещё и праздник детишкам задумала. Мы, конечно, помогаем, чем умеем, но ей-то ещё с ними петь и хороводы водить!

В типографии обложки наконец получились как надо. Весёленькие, со звёздочками, с перечнем новогодних сказок. Распихать обложки в 50 коробочек оказалось непросто, и мы открыли охоту на всех коллег-бездельников, у кого не случилось этим вечером эфира.

А потом я поспешила домой. У меня ночью ещё один выпуск новостей. Нужно успеть поесть и покормить глаза – не пейзажами (я иногда хожу с работы пешком, но не по лужам же), так телевизором. 31 декабря мне его явно смотреть не придётся. 31-го я буду спать. Встречу Новый год с пельменями и оливье из соседнего продуктового и на боковую. Это мой новогодний подарок – выспаться. Мне его Дедушка Мороз под ёлку положит.

Только бы живот не заболел от магазинных пельменей и не испортил мне роскошь общения с диваном. Это при социализме пельмени и колбаса символизировали праздник живота. Сейчас это обыденная быстрая еда, «привет, гастрит, прощай, здоровье». И ведь самое страшное – что? Что журналисты-то точно знают, что мезим форте

относится к препаратам с недоказанным действием. Потому пить нам лучше, не закусывая вообще. Тогда утром – всего лишь кефир и алкозельцер! Как пишут в сети: «Попробую в этом году от оливье отказаться. В прошлом году отказался от мандаринок – надо же узнать, от чего мне так плохо?»

Брать работу на дом – проклятье. Не делайте этого, не повторяйте моих ошибок.

На работе процесс идёт гораздо быстрее. Дом есть дом. Здесь я, когда сажусь работать в интернете, первым делом проверяю свои страницы в соцсетях. Работа-то теперь никуда не убежит. Она, конечно, роет копытом землю и хочет на травку, но это мне утром вставать, а не ей.

Потому, усевшись за монитор, я открыла отнюдь не вордовский файл с новостями, а «самиздат». Потом «ЖЖ»...

На «ЖЖ» моя рука вдруг дрогнула и зависла над зелёной страничкой.

Ой. То есть... это чего? Правда, что ли?

Страничка была в панике закрыта. Потом в чашку был долит свежий кипяток, и я открыла «ЖЖ» ещё раз.

«Конкурс завершился! Призёр определён!»

Я опять закрыла страницу.

Трудно быть призёром. Тем более таким, кому пообещали деньги. И что теперь? Написать: «Здравствуйте, я ваш призёр»? И что?..

Открываю страничку ещё раз, бегло прочитываю, что там и как. Дохожу до места, где «призёра», т.е. автора эссе, номер такой-то, просят написать в «личку». И пишу. А потом у меня просят номер банковской карты, и...

На работу в понедельник я прихожу в некотором одурении. 5000 рублей. Честно заработанные литературой деньги – приз за лучшее эссе об истине. А что есть эта самая истина? И что теперь делать с деньгами? Отдать на благотворительность? Издать, наконец, маленькую книжку стихов? Что здесь будет «истиной»?

Но отдавать честно заработанное – жалко, да и понимаю я, что с моей зарплатой – это всего лишь глупый, хоть и красивый жест. Я и в обыденности в помощи никому не отказываю. А если судьбе сразу же возвращать её подарки, она и обидеться может.

Но сомнения меня все-таки мучают, и я прямо с рабочего компа пишу друзьям в соцсетях: «Посоветуйте, что делать с неожиданным выигрышем?»

Кто-то советует мне пропить гонорар, но большинство просит все-таки что-нибудь издать. Писатель я или не писатель?

Мне странно издавать книги за свои деньги. Есть в этом что-то грустное и неправильное, и я крепко задумываюсь. Да, у меня есть мечта написать что-нибудь великое. Но ведь это – совсем не мечта издать что-нибудь.

В редакции наконец более-менее спокойно: обложки напечатаны, распаханы по коробочкам, и мы с Милой готовимся к завтрашнему трудовому прорыву. Ещё сутки – и этот кошмар как-то завершится. Важно ли – как? Главное, чтобы завершился.

За окном – зимний дождь. Пальцы мои бегают по клавиатуре, набирая письма наших неутомимых читателей. Интересно, а они-то о чем мечтают? О чем вообще мечтает обычный человек? Чтобы дети были здоровы? Чтобы не было войны? Или он мечтает

напиться и забыться, а дальше – хоть трава не расти?

И тут дверь открывается и появляется Таня. Она мокрая от дождя, потому что ездила покупать для завтрашнего праздника конфеты. И грустная. У неё суперпроблема. Спонсоры одарили её газировкой, и теперь срочно нужны деньги на стаканчики и торт. Иначе – зачем газировка?

Шутя выступаю меценатом. Рассказываю свою ночную историю с выигрышем, но Таня, помоему, не верит. Или верит, но от усталости не очень-то осознает. А получив деньги, уходит и к концу рабочего дня возвращается уже совсем несчастная. С огромным пакетом в руках. И мы понимаем, что вот теперь нам на самом деле хана.

Рабочий день почти закончен. У всех, кроме нас. Мы с Милой проверяем, хорошо ли готовы к завтрашнему авралу. Завтра мы будем работать по дикому праздничному графику. Потому что в газете должна быть телепрограмма. И придёт она, родная, глубокой ночью. И я буду биться с ней до часу. Или до двух. А завтра мы начнём верстать прямо с семи утра. И всё будет в двойном объёме. И сейчас нужно бы повтыкать последние картинки и бежать домой, отдохнуть хоть немного, выспаться...

И Тане тоже нужно срочно бежать. В садик за близнецами.

Вот только диски...

Она ставит перед ними пакетище: там множество пустых коробочек и пачка обложек.

Оказывается, в нашем городе гораздо больше больных детей, которым нужно наше участие, поздравление на Новый год от настоящих корреспондентов и сказки. Есть городская детская больница, которую мы не учли. И ещё одна библиотека. И срочно нужно ещё

сто дисков. Потому что завтра у них у всех по графику – Новый год!

Диски Таня купить успела. И обложки успели допечатать. Но про то, что обложки в коробочки ещё нужно впихать, она сразу и не подумала. А сейчас все занятые коллеги уже разбежались, не дожидаясь конца рабочего дня. Праздники. У кого нет эфира – покупают шампанское и мандаринки.

Таня выкладывает диски ровными стопочками. Отдельная стопочка – пачка бумажек-обложек, каждую из которых нужно аккуратно согнуть несколько раз и запихать в коробку.

Все, что можно было сделать за деньги, она уже сделала, а диски, пока ездила в магазин и типографию, записали техники.

Но чтобы в одиночку уложить обложки в сто коробочек – тут и до утра не уложиться. Мы прошлые пятьдесят обложек сгибали, меняясь и подключая всех, кто попадался под руку. А Тане нужно срочно забирать детей из садика. И она понимает, что завтра мы сдаём в один день две газеты, но...

Мила смотрит в компьютер, я смотрю на Таню. Мне даже смешно, что в кои-то веки у меня есть «лишние», не учтённые в домашнем бюджете деньги, и именно в этот момент они не имеют вообще никакого значения. Не на улице же нам набирать волонтеров.

Вариантов нет. Мне проще взять это дело на себя: Мила – слабенькая, а я вообще могу ночь не спать!

И я забираю у Тани мешок с остатками дисков и выталкиваю её за дверь.

Потом окидываю глазами объём работ, трясую от ужаса головой и начинаю складывать. Обложка – из двух кусков. Первый сгибается в одном месте, второй – в двух.

Аккуратно, по границе цветов. Главное не ошибиться, не испортить. Всё посчитано.

Сгибаю штук пять, и Мила не выдерживает. Она снимает уже почти надетый платок и тоже садится к журнальному столику. Она ловчее и аккуратнее меня.

За окном уже совершенно темно. Только фонарь позволяет рассмотреть такие непривычные зимой лужи. Пора домой, но у нас на этот вечер ещё весьма длинные планы.

И тут... Дверь приоткрывается, и заглядывает электрик. Попрощаться, наверно. Он сидит в подвальном этаже и мог бы выйти через чёрный ход, но, видимо, дурная голова ногам покоя не предоставила.

Электрик лучится свой идиотской страстью, улыбается фальшиво, как манекен... Но я сейчас вижу только одно. Ещё одни крепкие сноровистые рабочие руки! А это значит, что если мы поднатужимся, то втроём часа за два!..

Электрик даже не пытается сопротивляться. Кажется, он даже счастлив сидеть наконец со мной за одним столом и нести какую-то бессмысленную чепуху. Но руки у него – что надо. Он ловко сгибает

бумажки, просовывает их в коробочки, обгоняя даже сноровистую Милу. И когда я поднимаю глаза от обложек, чтобы сделать крошечную передышку, то вижу вдруг совершенно сказочную картину: у журнального столика, заваленного рождественскими картинками, сидят мужчина и девушка, похожие на эльфов Санта-Клауса, и сосредоточенно пихают бумажки в прозрачные пластиковые коробочки.

А за окном... За окном валит пушистый новогодний снег. Холодный, спелый и такой своевременный.

Я вспоминаю, что завтра у нас аврал, подхожу к компьютеру и быстренько сношу в рабочую корзину все левые тексты с рабочего стола. Нужен чистый стол, чтобы завтра не запутаться. Чистый, как этот снег.

А снежинки всё падают в свете одинокого фонаря за окном. И нет уже луж, нет ледяной каши. Они исчезли, а вместе с ними исчезают и наши прошлые проблемы, печали, ошибки.

Ведь важно лишь то, что мы можем сделать для других своими собственными руками. И только это действительно останется не в чужой, так в нашей памяти.